

Семинар «Вокруг ‘Рождения трагедии’»

«Символика и мифология древних народов, в особенности греков» Г.Ф. Крейцера¹

Creuzer F. Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen. 4 Bde. Leipzig – Darmstadt. 1810-1812.

1 том, 2 глава

П.В. Резвых: Вторая глава посвящен целиком рассмотрению свидетельств самих греческих авторов (эллинистических) относительно того, что именно у греков символический способ выражения не только развернулся наилучшим образом и определен эстетически, но и был в должной мере отрефлектирован. Эта глава представит собой классико-филологическое исследование, с большим объемом герменевтики. Изложение имеет двойственный характер, материал, с которым Крейцер работает с одной стороны материал и документ, и первая форма рефлексии об историческом, где он стремится почерпнуть методы.

12. *Общее описание символического способа выражения древних содержит уже ранее указанные нами места из Павсания и Клементя Александрийского, с которыми можно поставить в связь центральное место о египтянах, которое содержит примечательное побочное свойство, что этот способ выражения стоит рассматривать как подражание природе, которая действует символически.* (ССЫЛКА: Ямвлих. О египетских мистериях, отд 7, гл. 1, стр. 150. Примечание: Смешанные с этим замечанием теургические представления мы здесь благополучно пропустим.) *Уже несколько более определенно другой античный автор (Симпликий. Предисловие к категориям Аристотеля. Гл. 10, 11.) разграничивает две главных области всей этой сферы, замечая, что одни из древних учителей избрали для изложения своих мыслей мифическую оболочку, а другие символическую. Здесь мы видим, что порождение древних религий и философии распадается на две больших массы: символическое и мифическое, мифическое занимало гораздо большее место, чем символическое: эти две области простирались как можно более далеко, и поэтому разделение этих областей составит прочную основу дальнейшего исследования. Но чтобы распознать их целиком в их сущности, нужно обдумать как эту основную противоположность, так и каждый из видов. Мы исходим из следующего основополагающего утверждения философа.*

13. *Прокл: Те, кто ведет речь о божественных вещах, намекая с помощью знаков, то есть интуитивно, говорят либо символически или мифически, либо посредством образов, те же, кто выражают свои мысли несокровенно, либо излагают их в научном основательном продумывании, либо посредством божественного наития. Высказывание, или речь, которая стремится высказать божественное посредством символов, есть*

---

¹ Семинар проводился в рамках выполнения проекта № 13-09-0142 «Объективность, достоверность и факт в гуманитарных науках раннего Нового времени: историческая реконструкция и пути рецепции» при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013 г.

речь орфическая и вообще характерна создателям теомифий. Изложение в образах – пифагорейское.

Беляева А.: Символическое и мифическое противопоставляется образному.

Эндейктическое интуитивное Прокл рассматривает здесь в его первом и главном значении, в котором оно означает указывание пальцем, в каковом значении его употребляет Полибий. Можно сравнить с Эхином, сравни индекс Фишера, несколько мест из Нового Завета, у Филона) Кстати, первое значение которого хорошо раскрыл, принадлежит к изложению философии. Сравни Максим Исповедник. То, что противоположность эндейктическому образует незамысловатое высказывание, апаракалюптос, это не должно особенно бросаться в глаза, поскольку уже содержится понятие об оболочке, то, что лежит в сфере форм ради наглядности познания обозначается посредством форм. Тем самым эндейктическое синонимично с тем, что другой писатель обозначает как прикровенную речь, так же как ему здесь противопоставляется сокровенное, так в другом месте дискурсивное в следующем важном месте. Плотин Эннеады: Так и мудрецы Египта, была ли совершенная мудрость сообщена им посредством вдохновения, или же была инстинктом природы, они не были склонны доверять письменным знакам то, что они хотели из своей мудрости сообщить, они не хотели производить умозаключения и суждения и подражать звуку и артикулированному словесному выражению ученых речей, но они скорее производили целостность дискурсивного сразу посредством того, что начертали в своих книгах образы, и для всякой идеи отчеканили особенный образ, и таким образом всю целостность дискурсивного мышления в одном знаке зафиксировали. В этом описании египетского способа обучения дискурсивное обучение образует строгую противоположность любой намекающей речи. В соответствии с этим изложением и Клемент обозначает последовательность умозаключений, приводящей к некоторому заключению. Это употребление приобретает значение из понятий, посредством которых обозначается связный вид рассуждений и рассказа, точно так же как оно в пространственном смысле обозначает прямой выход, а затем приобретает направление целей мыслей и планов, точно так же затем его значение переходит в логическую область и обозначает дискурсивное изложение в понятиях.

Показывает противопоставление интуитивного и дискурсивного. Для обозначения противоположности символическому и мифическому содержит неустранимый образный элемент. Античные писатели противопоставляют, да и само противопоставление в мифической форме, Гермес – символ и для дискурсивного высказывания, и для письменности, о кот Плотин говорит.

Таким способом чувственные выражения должны служить изображением нечувственной речи. Более того, привыкшему к языку образов греческому языку должно было представляться в форме мифа. Гермес был символом для обеих вещей. И священная гора камней была образом речи, составленной из понятий и одновременно образом буквенного письма. Прим: это было одно из многих толкований священных камней, посвящавшихся Гермесу, кторое было обязано осторумию позднего грека. Для нашей цели обратим внимание на слова у Евдокия: Подобно тому как гора камней складывается в большой холм из малых, таким же образом и Гермес, соединяя (диэкседикос –

располагая разрозненное) разрозненное из грубейших стихий букв и из слогов и из речений, он их слагает в нечто целое (доводить до вершины – корюфо, довершать), увенчивает.

Каждый из отмеченных родов имеет свои подразделения Мы будем рассматривать эндейктический. Как Прокл употребил Эндейксис для всей сферы индуктивного, так же жругой Ямвлих обозначает сунтемата.

14. Этот общий отдел интуитивного поучения, эндейксис, которые пользуются сунтемата, зримымизнаками разделяется на два подвида: символическое и мифическое, и о, которое говорит посредством образов, ибо то, что писатель по меньшей мере здесь не противопоставляет символическое и мифическое – посредством союза кай, приписывает символическое тем, кто сочинял теомифии, под ними следует понимать орфические теогонию и космогонию, которые поэтически излагались в мифах. Под мифическими символами в их поэмах, следует понимать порядки и цепи богов. Как мифически символическое называется орфическим, иконическое – пифагорейским. Под образами понимаются математические фигуры, эти фигуры и числа Пифагор соотносил с богами, они должны были служить ему для обозначения божественного. вместе с этим замечанием исчезает противоречие между различными референтами в обсуждении одного и того же вопроса. Пифагор считал необходимым символический способ изучения, но последний говорит не о математическом методе, а о символическом способе изложения, отклоняющемся от обычного образа речи. О последнем узнаем из Порфирия. Кое что Пифагор говорил скрытым образом символически, каковы выражения по большей части записал Аристотель, он называл море слезами, медведиц руками Реи, пляд лирами муз, планеты – собаками Персефоны. Все эти писатели говорят о различных способах обучения одной и той же пифагорейской школы, которая знала символическую речь как орфическую. Под орфическим понимают древнюю образную речь, а то, что чувственные образы, представленные для глаза, также назывались сямбола. И всего вышеизложенного мы получаем краткий обзор в схеме.

О предшественниках Аристотеля. Аристотель самые важные акусмы отобрал, а теперь Крейцер говорит, что все другие акусмы оказались элиминированы

15. Предмет нашего исследования требует теперь более точного рассмотрения двух наиболее точных родов. Более специальные различия и классификации, которые ведут происхождение от более поздней эпохи. Классификация Ямвлиха содержит уже больше нужного. Прежде всего слова символ и символический как известно используются новыми авторами в смысле, которого не допускает словоупотребление древних. Возникающая здесь путаница в понятиях делает необходимым вернуться к школе греков и узнать возникновение и дальнейшее развитие в словоупотреблении греков возникновение и развитие.

16. Три главных значения глагола суть корни избытка понятий, которые грек связывал со своим словом сямболон. Объединять связывать, сводить вместе – все эти глаголы управляются дательным падежом, с кем-то встречаться, о чем-то с ним договариваться и заключать соглашение. Наконец это означает сравнивать свое мнение со случаем, разгадать что-то загадочное, именно поэтому он употребляется для божественного языка и пророчеств. Другие писатели в этом же смысле употребляют.

Простейшее понятие сямболон, проистекающее из первого буквального значения глагола, то, одно составленное из двух, на этом простейшем словоупотреблении основывается употребление символических знаков заверения. Древнейший, почитающийся за священный в греции обычай было разломить табличку и хранить половинки как знак соглашения. Половинка становилась .Это слово не закрепилось только за этим родом соглашений, но охватывало вообще все связи, которые осуществлялись посредством знака, так же обозначалось и все, что постепенно становившиеся более просвещенными нравы ставили на место древнего значка. Закон союза государств, акт о заключении союза, в особенности торговый. Всякий залог при любом роде покупки или договора. Кольцо, которое давали вместо действительного вклада в качестве залога давали тому. Дощечка с паролем у военных. Колечком греки и римляне называли символ. С этим же связано обозначение мотета.

17. Поскольку обозначает знак связей и отношений, постольку естественно, что это поле значений совпадает с понятием знак. Секст-Эмпирик, где как о видах, так и о природе говорится в противоположность (знак-чувственно-воспринимаемое). У Диогена Лаэртца залоговое письмо. Поэтому называется так же и знак в противоположность сущности, только намек в противоположность истине, на которую намекают у Плифона. Точно так же как и от указанного основного понятия проистекают различные определенные значения. Слово как знак вещи употребляет Аристотель, чувственный образ как внешний знак некоторого действия, состояния ума. Сравни другой фрагмент Каллимаха, где Плутарх красиво говорит о супругах: наивысшая любовь и наивысшая стыдливость служат залогом друг для друга.

История употребления.

До сих пор замеченные употребления можно вывести из первого значения понятия символ – составленное, сложенное. Самое простое значение сова и впоследствии сохраняет свою силу. Для того, чтобы понять более возвышенном смысле, следует напомнить другое значение – встречаться неожиданно, распознавать, угадывать из темных намеков. Поскольку пренебрежение более высокими значениями имело своим последствие принципиально ложный взгляд на богослужebную символику

18. Вместе с этим последним замечанием перед нами раскрывается круг религиозных толкований сообразно представлениям греков. Это толкование относится к чувствам слуха и зрения. О божественном которое достигает слуха принадлежат речения оракула и многозначительные звуки, в особенности птичьи крики (Прим к кледон: носитель аттического диалекта оба вида обозначают словом отта, а поэты как омфэ). Намеки для глаза имеют следующие обозначения лик, явление, сообразно двойному значению этого слова тоже видение/явление, феномен, отклоняющийся от привычного хода вещей, и наконец всякий знак из которого что-то можно заключить и бросающийся в глаза знак с приводящим значением случайного, а именно случайная многозначительная/промыслительная встреча с кем-либо. В этом последнем смысле его употребляет Ксенофонт в воспоминаниях о Сократе, Филострат. Также и воздушные знаки называются, например, молния и другие небесные явления, особенно преисполненный значения полет птицы и все предзнаменования из появления и встречи

птиц, почитаемых за священные. Прим: Поэтому и Эсхил связывает знаковую встречу и полет птиц. Об авгурах особенно много распространяется Шпайн. Дорожные знаки.

19. В этот новый ряд идей встречаются основополагающие понятия, которые нужно рассмотреть поскольку мало внимания уделяли им греческие грамматикологи. Естественно изначально, случайно, темно в своем происхождении. Если поэтому один греческий лексикограф нам говорит образ и подобием называют то, что по своей природе и во всех случаях есть то, что оно есть, как образ льва, а напротив символ и знак обозначают то, что есть по установлению. например знак войны и мира, то хотя он и сказал тем самым нечто верное о противоположности между кириологическим образом и смысло-образом, но сколь низка ступень, на которой перед ним является символическое, или скорее сколь мало он при этом рассмотрении только символического затронул сущность собственно символического. вводит символ в круг религии и ясно дает понять соотношение между богами и людьми, которые невозможно дать объяснение но можно дать толкование. То, что совершенно неожиданно обращалось к оку привлекало взгляд из сокровенных глубин природы как предзнаменование и то, что захватывало человека как нечто необычное, это и было символом, это случайный знак, явленный ему. И если он стремился получить такой знак в важных ситуациях жизни, то это происходило при условии приуготовлений, посредством которых он признавал свою зависимость от темной власти. Представление о первоначальном символе развилось из веры в одушевленность всего телесного мира и посредством того, что этот мир обращается с речью. Основные природные силы, олицетворенные в богах правили этими знаками и как изобретатели мантики были изобретателями. Связь таких знаков с обозначаемым изначально и божественна. И как все богослужение есть лишь передача дальше помощи, которую сами боги оказали людям, так и символика, посредством которой жречество отражает высокое знание покоится не на произвольных значениях, но на первоначальной связи. Именно вследствие этого символ ставился неизмеримо выше всех других видов выражения. Позднейшие философы которые искали истоки национальной религии, образовали лестницу, в которой символическое представляется восходящим. Являлись: некоторые богослужебные представления посвящены высшему как символы из древнего со ссылкой на символический язык самой природы, он отличает от них образ и уподобление, как и стремление присвоить себе божественное. Отношение между образом и символом противоположно выдвинутому ранее, где кириологический образ оказался связан со своим предметом необходимо, а символическое – случайно.

20. Также и учение стоиков о символических ответах раскрывает одно основополагающее значение слова. При исследовании различия между вопросом и осведомляющимся вопрошанием, заключается в том, что вопрос это такое выражение, требующее символического выражение. Это день – вопрос, на который можно ответить символически. Напротив, осведомление, которое невозможно удовлетворить символическим ответом. Проследившая далее это в высшей степени простое рассуждение мы не будем заниматься, нам достаточно символического ответа – жеста, взмаха руки, поскольку да и нет – есть высказанный в слове движение телесное. Поскольку да или нет можно выразить телесно – они названы телесным ответом. Это да или нет как кивок или жест являются чувству сразу, мгновенно, каждый кто воспримлет кивок или значок сразу в одном взгляде видит целое поэтому его познание

есть обращение взора и зрение, как и означает видение сразу и в целом . Из всего этого вытекает новое основное значение – моментальная наглядность.

Первоначально была хорейская выразительность, где не различается обозначающее от обозначаемого.

21. Всякий знак и слово, который, подтверждая истину высказывания и учения, одним махом сообщает убеждение. В этом смысле употребляют это слово превосходнейшие писатели. Всякое слово живого воспоминания, которое Периандр услышал от оракула мертвых о Мелиссе, и которое вселило в него веру в истинность высказывания одним махом. Это напоминающее образное слово было необманчивым знаком. Отсюда начинается новый ряд идей, которые сообщены в этом слове, так же как принадлежит к народному культу, относится так же к народному обозначению мистерий. Отсюда впоследствии и древнейшая христианская церковь позаимствовала это употребление. Сначала скажем о язычниках, что избранные ими для тайного богослужения были смысловые образы не нуждаются в доказательстве. Так назывались шкуры оленей, в которые одевались облаченные, цикады, пурпурные холмы и подобные образные знаки, во-вторых определенные формулы и обозначения, по которым распознавали посвященных и с помощью которых они могли отличать друг друга от непосвященных. Во всех тех местах, где древние приводят такого рода формы, называют это этим словом, или одним из синонимичных слов. Великие этимологии/деривации- ученый пизанский. В древнеримском обозначении. Цицерон: об аллегорическом учении о богах, свойств стоицизма: что они приписывали имена посредством некоторого обозначения. Клемент Александрийский при элевсинских празднествах употребляет в Протрептике. Элеменхорст против язычников, который перевел это место на латинский употребляет в этом месте слово сямболон.

22. Все эти значения перешли в древнехристианское. Церковь называла учения, в вероисповедания веры, опознавательные слова и знаки, которыми христианин отделялся от нехристианина, это даже не нужно хотеть доказывать. Достаточно сделать отдельные замечания об этом.

Во-вторых, точно так же как в языческих. Сравни с Действие мистерий созерцается в символах и образах. Затем же и теология, имеющая дело со святынями стала называться символической, постольку противопоставлялась демонстративной. В особенности именуется отдельные таинства, равным образом с добавляемыми дальнейшими определениями, так например крещение и евхаристия. Ссылка на лексикографа. Поэтому Христос как основатель таинств обозначается создатель символов. Так же как и с другой стороны философские писатели язычники в отношении к их религии время от времени использовали выражения, которые были почерпнуты из христианского учения. Прокл в комментарии к Тимею, там, где он говорит об образах богов, употребляет выражение «символическое присутствие богов».